

Родители честно предупреждали меня, что если я не поступлю в институт, то мне, после окончания школы придется идти работать. Если честно, я им не очень верил, весь одиннадцатый класс околачивал груши известным органом и учебой не занимался почти совсем. В итоге, результаты ЕГЭ оказались весьма печальными и поступить в институт мне не удалось. Родители же сдержали свое слово. Кормить они меня продолжили, но выдавать деньги на расходы полностью перестали, как перестали оплачивать интернет и телефон. Оказавшись в информационном и финансовом вакууме, я уже через неделю понял, что мне нужно искать какой-то заработок.

Осознав этот факт, я активно принялся за поиски, однако, с удивлением обнаружил, что восемнадцатилетний оболтус без образования и каких-то умений не нужен в нашей стране никому. Работу предлагали самую неинтересную, низкооплачиваемую и низко же квалифицированную. В итоге, к началу осени, после нескольких не особо удачных попыток поработать, я уже совсем отчаялся. Однако выручила меня знакомая по курсам подготовки в институт, куда я благополучно не поступил, а она, так же благополучно прошла. Мы случайно пересеклись на остановке и пока ждали автобуса, я разоткровенничался и рассказал ей про тупиковую ситуацию. Она грустно кивала головой во время моего рассказа, и я уже было решил, что этим ее сочувствие и ограничится, но оказалось, что это не так.

— Слушай. У меня бабушка в театре работает. Им нужны люди в гардероб. Если хочешь, я ее спрошу. Я автоматически кивнул, не думая, что это даст какие-то результаты. Сгорая от стыда, я продиктовал ей домашний телефон, соврав, что мой сотовый в ремонте и его отдадут только через неделю. А вечером неожиданно раздался звонок домашнего телефона и взявший трубку отец, удивленно позвал меня. Женский голос в трубке поприветствовал меня и поинтересовался с Игорем ли разговаривает его обладательница. Я ответил утвердительно.

— Мне Маша сказала, что ты работу ищешь?

— Да — поняв наконец, кто мне звонит ответил я

— Тогда приходи завтра к нам в театр к четверем дня, оформишься и сразу примешься за работу. Договорились?

— Конечно! — Радостно ответил я, даже не подумав поинтересоваться заработной платой.

— Тогда жду, зайдешь через служебный вход и скажешь, что ты к Екатерине Львовне. И она положила трубку

На следующий день я ровно в 16—00 стоял у служебного входа Академического Художественного Театра имени Максима Стучкина. Охранник, услышав про Екатерину Львовну распахнул передо мной дверь и любезно объяснил, как ее найти. Екатерина Львовна оказалась энергичной пожилой женщиной. Она провела меня в отдел кадров, где я написал заявление о приеме на работу с окладом в 18 тысяч рублей.

После оформления документов Екатерина Львовна привела меня на рабочее место. В мои не сильно напряжные обязанности входило обслуживать секцию номеров от 101 до 200, принимая перед спектаклем от граждан, решивших приобщиться к культуре верхнюю одежду и прочие зонты, а после спектакля я должен был вернуть тем же гражданам принятое в соответствии с номерами. На улице стояло бабье лето, так что работа какое-то время, предстояла непыльная. Екатерина Львовна объясняла мне мои обязанности, сидя на моем

рабочем стуле, пока я рассматривал расположение и порядок нумерации вешалок. Как только она закончила свой рассказ, охранник открыл дверь и жиденький поток посетителей потянулся в фойе театра. За тот час, который дается почтенной публике на освобождение тела от верхней одежды и визита в буфет, я принял в свою секцию три женских плаща, один женский же льняной кардиган и пахнущую потом мужскую кожаную куртку. Дела у остальных работников гардероба обстояли примерно так же.

После второго звонка поток желающих культурно провести вечер иссяк и я, оглянувшись на новых коллег, сел на свой рабочий стул, приготовившись спокойно провести время до окончания спектакля в интернете, благо wi-fi в фойе театра нормально работал. И всего за пару минут до начала спектакля, когда большинство зрителей уже сидело в зале, в двери театра вошли пожилой, хорошо одетый уверенный в себе мужчина в плаще и его спутница — красивая женщина лет 35 в маленьком черном платье чуть ниже колен, на высоких каблуках и тоже в плаще. Направились они ко мне, и я поспешно вскочил со стула, чтобы принять их одежду. Мужчина сначала помог снять женщине плащ, а я сразу обратил внимание на ее великолепную фигуру, обтянутую платьем. Потом он разделся сам и положил оба плаща на стойку гардероба. Я поинтересовался на один ли номер вешать одежду и не нужен ли им бинокль. От бинокля мужчина отказался, а одежду распорядился повесить на разные номерки.

Когда я протянул ему номерки, он в ответ положил на стойку сторублевую купюру. Пробормотав «Спасибо», я сунул деньги в карман. В это время прозвенел третий звонок, но пара, вслед которой я смотрел, сначала отправилась к буфету выпить шампанского и только после этого отправилась в зал. «Без них все равно не начнут» — неодобрительно, но тихо пробормотала Екатерина Львовна, сидящая в соседней секции. Пара же, допив шампанское отправилась по боковой лестнице наверх. «На весь сезон ложу центральную занял» все так же неодобрительно и тихо пробурчала Екатерина Львовна. Еще через минуту, с опозданием минут на 10, прозвучал третий звонок. Гул в зале стих, заиграла тихая музыка, двери в зал закрыли и действие началось. Спектакль назывался «Старая Чай Хона», автором пьесы была новомодная питерская писательница, а поставил спектакль не менее модный московский режиссер. Так что сегодня в зале был полный аншлаг. Я же сев на стул, углубился в дебри интернета, почти не обращая внимания, на доносившиеся периодически из дверей вскрики, всплески и прочие непонятные звуки. Очнулся я, услышав шаги. К моей стойке направлялся мужчина. Он протянул мне два номерка, а я взамен, принес ему два плаща. Он надел свой, а плащ спутницы попросил отнести ей в ложу, так как ей холодно, но она хочет досмотреть спектакль. Я покосился на Екатерину Львовну, а та утвердительно кивнула в ответ.

Мужчина ушел, а я, взяв плащ и, предварительно выяснив у все той же Екатерины Львовны куда идти, поднялся в ложу. Двери в нее были плотно прикрыты, так что постучался, однако, не дождавшись ответа, осторожно открыл дверь и попытался заглянуть внутрь, но плотная портьера закрывала вход в ложу, так что я осторожно ее раздвинул и сделал шаг внутрь, тут же прикрыв дверь за собой. Ложа находилась ровно напротив сцены, по стенам стояли бархатные диванчики, а в центре — четыре массивных и тоже обтянутых бархатом кресла с резными ручками и такой же основательный тяжелый даже на вид стол. В одном из кресел сидела, закинув красивую ногу на красивую ногу, спутница, покинувшего театр мужчины, а на столе стоял наполовину наполненный бокал с шампанским и ведерко, из которого выглядывало горлышко бутылки. Я тихо кашлянул, чтобы обратить на себя внимание. Она

повернулась ко мне всем великолепным телом, сняв красивую ногу с красивой ноги.

— А... это ты плащ принес? Я кивнул.

— Надо было с Сашей уйти — она вздохнула — не могу я на это — она кивнула на сцену — смотреть. Сцены я не видел, но на всякий случай снова кивнул. Однако взгляд мой притягивали прежде всего ее красивые ноги. Я старался на них не смотреть, но получалось так себе.

— А ты что, немой? — насмешливо спросила женщина, поворачиваясь ко мне.

— Н-н-нет! — выдавил я из себя

— А что тогда киваешь как китайский болванчик? — говорила она негромко, но насмешка в голосе стала заметнее — Ладно, давай сюда плащ и можешь идти!

Я послушно положил плащ на кресло рядом с ней и собрался уходить.

— погоди, а сколько тебе лет? — остановила она меня вопросом

— Восемнадцать — относительно уверенно ответил я

Она усмехнулась. «А я уже думала, что детей наши театралы эксплуатируют!». Я промолчал в ответ и снова невольно перевел взгляд на ее безупречной формы ноги. На этот раз взгляд она заметила.

— Нравятся? Она приподняла одну из ножек и покрутила в воздухе туфлей на каблук. У меня внезапно пересохло в горле и ответить я не смог.

— Не молчи! Я же задала вопрос! — она опустила ногу на пол и тут же продемонстрировала вторую

— Да, конечно? — я постарался, чтобы ответ прозвучал естественно, но это у меня конечно же не получилось. Женщина, тем временем, опустила ногу на пол и откинулась в кресле. Сидела она теперь лицом ко мне, а ее ноги были слегка раздвинуты. Выглядело это безумно эротично. Она взяла бокал со стола и сделал глоток, допив его, посмотрела на пустой бокал выжидательно и я, не сразу, правда, сообразив, что от меня требуется, взял из ведерка бутылку и налил шампанского в подставленный ею бокал. Но я не рассчитал количество, и пена немного перелилась через край капнув на одну из ее туфель. Я извинился и вернул бутылку в ведро. Когда я обернулся она снова сидела, вытянув ногу и рассматривала туфельку, на которой игристое вино оставило след.

— Вытри! — на этот раз тон был приказным, я немного наклонился, чтобы достать до туфли, но она резко опустила ножку на пол и снова посмотрела на меня. Я попытался наклониться, чтобы убрать каплю, но она опять убрала ногу. Я поднял на нее глаза. Она улыбалась и взглядом снова показала вниз. Я был вынужден опуститься перед ее креслом на корточки и протянул руку к туфельке. Она убрала ее под кресло, и я, потеряв равновесие, оказался на коленях.

— Так то лучше — удовлетворенно произнесла она и поставила туфельку мне на бедро — теперь вытирай! Я оттер пятно рукавом, она, не торопясь убрала ногу, и я снова поднял взгляд на нее. Она сидела и улыбалась, а ее ноги были широко раздвинуты. Не смотреть между них я не мог. В сумраке была видна белая кожа выше края чулок и пажы, которыми чулки были прикреплены к поясу. Рассмотреть что-то дальше, из-за плохого освещения не было никакой возможности. Она же тем временем, не торопясь положила мне ножки на плечи, затем скрестила их на шее и потянула меня к себе.

— А давно мне не отлизывали — задумчиво произнесла она и я, наконец, понял, что мне предстоит. Сексуального опыта у меня не было и подобные вещи я видел только в

порнофильмах. Она тем временем убрала ножки с моей шеи, приподнялась в кресле и задрала платье выше бедер. На ней был черный кружевной пояс с чулками, а вот трусики отсутствовали как класс. Зрелище было великолепным и возбуждающим. Контраст белой, почти фарфоровой кожи и черного белья смотрелся как произведение искусства. Она снова опустилась в кресло и широко раздвинула ноги. Я смотрел на открывшуюся мне картину, как замороженный.

— Ну что застыл как истукан! Приступай! — в ее голосе ощущалось нетерпение и я, в соответствии с приказом, приступил.

Лизать я, конечно, не умел и работал языком беспорядочно и хаотично. В какой-то момент она взяла руководство на себя и вот тогда дело пошло на лад.

— Снизу вверх сначала. От попы. Ее тоже можешь лизать. Это тоже приятно! — Команды были отрывистыми, и говорила она тихо, чтобы ее не услышали в зале. Впрочем, звуки со сцены, заглушали все происходящее в ложе.

— Хорошо! Еще несколько раз так. Быстрее! Нет, не так быстро. Вот отлично! Хороший у тебя язычок! Еще. Вот так! Теперь клитор. Она остановила меня рукой, взяв за волосы и я ощутил языком твердый бугорок приличного размера между ее губками. При прикосновении к нему она вздрагивала.

— Возьми его в рот. Губами обхвати! А теперь соси его. Еще. Нежнее. Вот так вот. Так... Голос ее становился все тише и все возбужденнее.

— Теперь языком. Губами не отпуска и лижи одновременно! — выполнить это требование было непросто, но я справился — Вот так вот, да! — продолжала шептать она. А я продолжал лизать. Она подалась мне навстречу, почти вдавив мою голову себе между ног. Теперь она двигалась одновременно со мной и мне удалось поймать тот ритм, который ей был нужен. Через несколько секунд ее тело стала сотрясать дрожь. Потом она выгнулась дугой и на несколько мгновений замерла. После чего откинулась в кресле и резко выдохнула, отпустив мою голову. За все это время она не произнесла ни звука. И в тот момент, когда она кончила, в зале ярко вспыхнул свет и раздались бурные аплодисменты. Первый акт закончился и большинство публики одобрило спектакль и, правда невольно, мои старания.

Когда я поднял глаза, она сидела, все так же развалившись в кресле с задранными платьем и смеялась. Увидев, что я на нее смотрю, она сквозь смех сказала, чтобы я бежал на рабочее место. Сообразив, что я оставил его без присмотра, я бегом отправился в раздевалку. На мое счастье публика еще не выходила из зала, и мое отсутствие заметила только Екатерина Львовна, осуждающе покачавшая головой.

Весь антракт и второй акт я сидел на месте и думал о случившемся. Когда спектакль закончился я выглядывал женщину в толпе, но ее нигде не было. Я выдал, всю сданную мне одежду, но она все еще не выходила. А появилась она, когда уже почти все разошлись. Она, не торопясь спускалась по лестнице, все такая же красивая и недоступная. Взгляд ее равнодушно скользил по фойе театра, на мне он тоже не задержался. Я же жадно смотрел на нее, впитывая ее красоту и изящество. Она, не задерживаясь прошла мимо стойки моей части гардероба, проведя по ней рукой, и направилась к выходу, ни разу не обернувшись, а я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью. Только тогда я опустил глаза и обнаружил на стойке пятитысячную купюру.

Они появились в театре снова через неделю. И история повторилась снова. Он ушел в середине первого акта, а меня попросил отнести к ней в ложу бутылку шампанского. И я

снова с удовольствием работал языком. Так продолжалось почти каждую неделю до конца сезона. И я так и не узнал ее имени. А весной меня забрали в армию и, когда я вернулся, ее спутник ходил в театр уже совсем с другой женщиной. И со спектакля ни разу не ушел. А потом и я уволился из театра. Но мне до сих пор хочется подняться в сумрак ложи, опуститься на колени и ощутить на языке и губах ее неповторимый вкус.